

УДК 101.8

DOI 10.18522/2227-8656.2020.4.17



**ЭТНИЧЕСКОЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО
КИТАЙСКОЙ ДИАСПОРЫ
«НОВОЙ МИГРАЦИИ» НА
ПРИМЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИ
РАЗВИТЫХ СТРАН**

**ETHNIC ENTREPRENEURSHIP
OF THE CHINESE DIASPORA
«NEW MIGRATION»
ON THE EXAMPLE
OF ECONOMICALLY
DEVELOPED COUNTRIES**

Игошева Марина Анатольевна

Кандидат философских наук, доцент,
Ростовский государственный университет
путей сообщения,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: igosheva_marina@mail.ru

Marina A. Igosheva

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Rostov State Transport University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: igosheva_marina@mail.ru

Статья посвящена анализу особенностей этнического предпринимательства китайских мигрантов в экономически развитых странах периода «новой миграции». Основное внимание уделяется сферам предпринимательской активности китайского сообщества. Отмечено, что эффективность предпринимательства китайцев обеспечивается функционально работающими связями внутри этнической общины. В результате показано, что этническое предпринимательство свидетельствует о мощном ресурсном потенциале этничности, который задействуется в процессах экономической адаптации мигрантов в принимающий социум.

The article is devoted to the analysis of the peculiarities of ethnic entrepreneurship of Chinese migrants in economically developed countries the «new migration» period. The focus is on the areas of entrepreneurial activity in the Chinese community. It is noted that the effectiveness of Chinese entrepreneurship is ensured by functionally working connections within the ethnic community. As a result, it is shown that ethnic entrepreneurship testifies to the powerful resource potential of ethnicity, which is involved in the processes of economic adaptation of migrants to the host society.

Ключевые слова: этническая идентичность; этническое предпринимательство; структура занятости; миграционные процессы; диаспора; «этнические сети»; адаптация мигрантов.

Keywords: ethnic identity; ethnic entrepreneurship; employment structure; migration processes; diaspora; «ethnic networks»; adaptation of migrants.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена влиянием современных глобализационных процессов на формирование мировой экономической системы, создавшей беспрецедентный уровень взаимозависимости экономик национальных государств и общие правила их функционирования. Наряду со сформировавшимся единым экономическим пространством сохраняются специфические формы организации хозяйственной деятельности, свойственные локальным традиционным сообществам. Их экономический уклад определяется как социокультурными особенностями народов, так и геоклиматическими условиями их проживания. Поскольку культура представителей традиционного социума очерчена символическими границами их этнической идентичности, то очевидно, что этнический фактор оказывает значительное влияние на выбор и организацию экономической деятельности народа.

Противостояние традиционных форм хозяйственной деятельности этнокультурных сообществ и унифицирующей экономической интеграции способствовало появлению в научном дискурсе таких понятий, как «этническая экономика» и «этническое предпринимательство» (Игошева, 2020). Исследование этих явлений носит междисциплинарный характер, проявляющийся в обращении к их изучению различных наук – экономики, социологии, культурологии, правоведения и др.

Этническое предпринимательство как предмет теоретической рефлексии

В рамках социологического дискурса этническое предпринимательство трактуется исследователями как форма деловой активности «миноритарных этнических сообществ» (Радаев, 1993. С. 82). Смысл последних выражается в их локальности и количественной ограниченности. Еще одной характеристикой участников данной формы экономической активности является общая этническая принадлежность. В таком понимании этническое предпринимательство представляет собой определенный вид хозяйственной деятельности, которым занимаются представители определенных этнических групп.

В настоящее время этническое предпринимательство анализируется преимущественно в контексте миграционных процессов и видов эко-

номической деятельности, характерных для мигрантов. Начало исследований в этой области принадлежит представителям американского научного сообщества. Отдельные его исследователи утверждают, что мигранты в экономической деятельности активно задействуют этническую принадлежность и ее ресурсы – ценности, коммуникацию и солидарность – для «получения экономической прибыли» (Light, 1984. P. 201). Ряд других исследователей, рассматривающих механизмы солидарности мигрантов, полагают, что основные причины возникновения этнического предпринимательства в инокультурной среде объяснимы, с одной стороны, отсутствием равных условий для осуществления экономической деятельности, закрытием мигрантам каналов социальной мобильности, с другой – влиянием этнического фактора, воспроизводящего определенные модели экономического поведения (Уолдингер, 2004). Любопытен подход, указывающий, что межличностное доверие, основанное на общей этнической идентичности, делает экономическую кооперацию более эффективной (Грановеттер, 2004). Тем самым акцентируется внимание на том, что функционирование субъектов хозяйствования и среда их экономической деятельности в известном смысле этнически определены и находятся под этническим влиянием.

Российские исследователи этническое предпринимательство рассматривают как «специфический способ организации и ведения бизнеса этнических меньшинств в инонациональной для них среде» (Снисаренко, 1999). Такой вид экономической активности является способом выживания иммигрантов в принимающем обществе, путем их социально-психологической и экономической адаптации. Последнее связано с тем, что в условиях новой социально-экономической и культурной реальности этническое меньшинство ищет дополнительные ресурсы, одним из которых выступает этническая идентичность. Опираясь на этничность, индивид устанавливает контакты с представителями своей этнической группы, что позволяет ему решить многие социальные проблемы и определиться с экономической стратегией своего жизнеобеспечения. В данном контексте обращает на себя внимание другой подход, отмечающий, что концентрация этнических мигрантов в определенной сфере деятельности облегчает экономическую адаптацию для вновь прибывших соотечественников (Пеньков, 2014). Это дает основание говорить о потенциале этнической идентичности в организации экономической деятельности, поскольку «этнические сети представляют собой каналы циркуляции деловой информации, способствуют возникновению взаимопомощи и укреплению доверия между предпринимателями» (Афонин, 2013. С. 106).

Таким образом, представители этнической группы, оказавшись в новой социальной среде и столкнувшись с отчуждением со стороны коренного населения, начинают обособляться в локальные сообщества и воспроизводить свои традиционные формы жизнедеятельности. Стремясь адаптироваться к инокультурному социуму, представители этнического образования либо занимают свободные зоны в экономической системе страны, либо создают свои формы экономической активности, связанные с культурными традициями этноса. Даже в свободных экономических нишах чаще всего практикуются традиционные способы организации экономической деятельности. Из этого следует, что этническое предпринимательство выступает одним из способов организации хозяйственной деятельности этнических групп в культурно чуждом социальном пространстве.

Вместе с тем в большинстве случаев адаптация мигрантов не предполагает их ассимиляцию, напротив, они инкорпорируются исключительно в локальные этнические общины иммигрантов, сложившиеся на территории принимающих государств. Стремление к этнической локализации чаще всего, по мнению исследователей, обусловлено такими факторами, как незнание языка, низкая квалификация большинства иммигрантов, консерватизм и ориентация на традиции и обычаи своей культуры (Бойцова, 2016). В силу упомянутых причин происходит обособление мигрантов от местного населения, замыкающее их в границах своей этнокультурной группы. Эта этническая замкнутость распространяется и на сферу трудовой занятости мигрантов.

Сферы предпринимательской деятельности китайских мигрантов в экономически развитых странах

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению сфер этнического предпринимательства китайцев в высокоразвитых странах, обратимся к облику их диаспоры как института. В США китайская община является крупнейшей среди развитых стран (3,8 млн человек) и четвертой по численности в мире (после Таиланда, Индонезии и Малайзии) (Ларин, 2013).

Китайская эмиграция в США имеет богатую историю. Если первые выходцы из Китая на территории Соединенных Штатов появились в 1820 г., то массовая китайская эмиграция первой волны началась в середине XIX в. и была связана с целым рядом факторов. Среди них – недостаток земель, пригодных для обработки и ведения сельского хозяйства, политическая нестабильность в Китае, высокие налоги и др. Однако главным фактором китайской иммиграции в США послужила золотая лихорадка 1848 г. в Калифорнии (Гарусова, 2018). Период первой массовой эмиграции китайцев в

США был обусловлен поиском лучшей жизни, новых возможностей заработать и преследовал целью быстрое обогащение.

Современная китайская диаспора начинает формироваться только со второй половины XX в. Исследователи выделяют следующие этапы в ее становлении:

– первый этап берет начало в 1960-е гг. Это время радикальных изменений по либерализации миграционного законодательства США и ликвидации жесточайших дискриминационных ограничений китайской иммиграции (с 1882 г. – Акт об исключении китайцев – до Второй мировой войны – Акт об аннулировании Закона 1882 г., установлении квот и др. от 17 декабря 1943 г.), начавшихся в рамках общей либерализации и борьбы за гражданские права в 1960-е гг. (Акт об Иммиграционной реформе 1965 г.). В результате к 1960 г. численность китайской диаспоры увеличилась вдвое и составила 236 тыс. человек, а за период 1961–1970 гг. в США въехало почти 100 тыс. китайцев;

– второй этап, 1970-е первая половина 1980-х гг. В этот период, с одной стороны, наметилась тенденция выравнивания лиц китайского происхождения, как въехавших, так и родившихся в США, с другой – установка на нивелирование различий в иммиграции из Европы и Азии (в 1978 г.), а также вводится право на получение гражданства США для иммигрантов. Как следствие, с 1970 по 1979 г. в США прибыло 180 тыс. выходцев из Китая;

– третий этап, вторая половина 1980-х первая половина 1990-х гг. К 1980 г. китайская диаспора в США составляла 894 тыс. человек, из них 63,3 % китайцев родились за пределами Америки. В рассматриваемый период отмечены процессы успешной интеграции иммигрантов в американский социум в результате размывания чайна-таунов – китайских кварталов с самобытным укладом жизни и высоким уровнем закрытости от других этнических групп (Гарусова, 2018);

– четвертый этап, вторая половина 1990-х – 2000-е гг., называется этапом «новой миграции», во время которого произошел стремительный рост китайской общины в США, к 2009 г. она составила 4,18 млн человек. Согласно экспертам, основной прирост китайской диаспоры в данный период приходится не за счет новых мигрантов, а за счет этнических китайцев, рожденных и выросших за рубежом, т. е. за счет естественной рождаемости (Головчанская, 2003; Гарусова, 2018; Meiguo huaren renkou tongji tuigu, 2019).

Как видно, исторический процесс формирования китайской диаспоры в США занял почти два столетия и прошел в своем развитии несколько этапов, отражающих динамику демографии китайских мигрантов. Учитывая

тот факт, что китайская эмиграция имеет богатую историю присутствия китайцев на территории Америки, уходящую своими истоками в 1820 г., надо признать, что стремительный рост миграционных потоков пришелся на 90-е гг. XX в. – этап «новой миграции».

В других развитых странах, в частности, в Канаде, китайская диаспора существенно меньше, чем в США. Тогда как доля выходцев китайского происхождения в общей численности населения Канады гораздо выше и составляет 5,1 % населения против 1,2 % в США. Китайцы, являясь самым крупным меньшинством в Канаде, по состоянию на 2016 г. насчитывали 1,76 млн человек (Китайские канадцы, 2020; Ларин, 2013.).

Состав, положение и динамика демографии китайской общины в Канаде по большому счету схожи с тем, что имеет место в Соединенных Штатах. Например, скачкообразный рост миграционных потоков также пришелся на 80–90-е гг. XX в. – с 239 тыс. до 1,1 млн человек соответственно. Вместе с тем налицо и некоторые отличительные особенности развития китайской канадской диаспоры от США. Так, в 2000-е гг. происходит резкое снижение численности китайских иммигрантов. Согласно статистическим данным, к концу 2000-х гг. китайская община в Канаде увеличилась всего на 200 тыс. человек по сравнению с 2000 г. (Jianada huaren renkou tongji tuigu, 2019).

Такая незначительная динамика в обозначенный период была обусловлена, во-первых, особенностями структуры китайской миграции в Канаду. В отличие от США, где основную часть китайской миграции составляют студенты, в Канаде более половины всех иммигрантов – это предприниматели и технические специалисты (54 %), оказавшиеся востребованными в КНР в условиях экономического бума. И, во-вторых, открывающимися возможностями и повышением уровня жизни на исторической родине (Анохина, 2012).

Облик китайской диаспоры в США и Канаде характеризуется высоким уровнем образования и материального благосостояния, что определяет структуру занятости китайцев. На сегодняшний день, как отмечают специалисты, «китайские компании появились в производстве (пищевое, химическое производство, электроника, оборудование и др.), строительстве, транспорте, недвижимости, страховании и других сферах» (Анохина, 2012. С. 52).

Например, в США более половины экономически активной части общины трудится в индустрии высоких технологий, исследовательских центрах, системе образования, медицине, банковской сфере, юриспруденции. Среди профессиональных предпочтений китайцев в США значатся предприниматели, исследователи, инженерно-технический персонал, менедже-

ры и др. При этом приоритеты экономической активности представителей китайской диаспоры обращены на инновационный сектор экономики, специализирующийся на компьютерных и мобильных технологиях, создании программного обеспечения, развитии средств связи и биомедицины (Ларин, 2013).

Структура занятости китайцев в Канаде в настоящее время выглядит следующим образом: в промышленности – 14,2 %, оптовой и розничной торговле – 16,7, науке – 10,6, гостиничном и ресторанном бизнесе – 11,3, медицинских и социальных услугах – 7, финансах, страховании, недвижимости – 9,2 %, остальные – в секторах культуры, телекоммуникации, образования и т.д. По профессиональной структуре 24,9 % китайцев в Канаде являются продавцами и обслуживающим персоналом, 19,9 – финансовыми и административными специалистами, 13,1 – научно-исследовательскими работниками, 9,7 % – управляющими (Jianada huaren renkou tongji tuigu, 2019). Стоит признать, что хотя значительная часть экономически активных членов китайской общины в США, Канаде и являются квалифицированными профессионалами, занятыми в современных отраслях экономики, все же главными областями деятельности китайцев по-прежнему остаются традиционные экономические сферы в мелком и среднем бизнесе (прачечные, торговля и общественное питание). Причем абсолютная численность этих предприятий продолжает расти.

Что касается европейских развитых стран, то китайская диаспора и здесь занимает статус мощного экономического субъекта. За период с 2011 по 2017 г. объемы китайского бизнеса значительно превысили масштабы экономической деятельности других азиатских меньшинств Европы, и, как следствие, «в 10 раз увеличились вложения Китая в страны Евросоюза» (Сколько Китай вкладывает в Европу, 2018).

Структура занятости китайских общин в Европе имеет отличительные особенности. Представители китайского меньшинства в небольших количествах присутствуют в современных отраслях экономики. Основными областями их деятельности являются мелкий и средний бизнес в традиционных сферах: торговле, общественном питании, производство одежды и обуви. Объяснением всему является политика европейских правительств в интересах защиты местного бизнеса от конкурентных преимуществ китайских коммерсантов.

Сеть неформальных связей – ключевой фактор эффективности этнического предпринимательства китайских общин

Китайская диаспора выделяется исключительной экономической и интеллектуальной мощью. Впечатляющие успехи китайцев в разных стра-

нах обусловлены рядом культурных факторов, среди которых специалисты называют:

- деловые качества, определяющие поведение китайцев, – трудолюбие, мудрость, бережливость, гибкость, склонность к предпринимательству;
- семейная форма организации экономической деятельности;
- осознание принадлежности к великой восточной цивилизации и конфуцианской культуре, формирующее чувство гордости за свою нацию и уверенность в себе, ощущение единства народа (Haley, 1998).

Как нам представляется, приведенные выше характеристики способствуют консолидации китайцев и их успешной экономической деятельности в различных регионах мира. Стоит признать, что важнейшей основой эффективности предпринимательской деятельности китайских общин является «сеть неформальных связей, позволяющих членам диаспоры оперативно снабжать друг друга неофициальной деловой информацией, заключать сделки и строить бизнес на доверии в обход громоздких и не всегда надежных формальных процедур» (Lim Linda, 2013. P. 258).

Анализ предпринимательской активности китайцев за рубежом позволяет заключить, что, мигрируя на территорию других государств, они воссоздают этнические традиции в организации экономической деятельности, выстраивают особую модель управления этнической общиной с характерной для нее самобытной иерархией, включающей кланы, землячества и пр. На этих началах «между членами одного клана или землячества возникают особые связи – гуанси, основанные на доверии, культурном родстве и признании авторитета старших» (Кучинская, 2012. С. 39). Такие связи, по мнению востоковеда Забайкальского государственного университета Т. Н. Кучинской, охватывают все стороны жизнедеятельности мигранта из Поднебесной, позволяя решать ему самые разные по сложности задачи, не выходя за рамки диаспоры.

Схожую позицию высказывает ученый из Дальневосточного федерального университета И.Н. Золотухин. Жизнеспособность китайской бизнес-диаспоры он видит не столько в ее традиционной предприимчивости, сколько в том, что она является «азиатской формой глобализации, обладая собственной, весьма успешной “культурой капитализма”. Для нее характерна паутинообразная структура коммуникации, благодаря которой строятся глобальные транснациональные сети» (Золотухин, 2012. С. 104).

Следовательно, наличие функционально работающих связей внутри этнической общины китайцев обеспечивает их успешную экономическую адаптацию в институциональную среду принимающего социума, т. е. этни-

ческая консолидация и внутриобщинная взаимопомощь являются ключевыми факторами экономических успехов китайской диаспоры за рубежом.

Заключение

Распространение в современном мире такого явления, как этническое предпринимательство, свидетельствует о мощном ресурсном потенциале этничности, который задействуется в процессах экономической адаптации мигрантов к принимающему социуму. Принадлежность к определенному этнокультурному сообществу оказывает существенное влияние на экономическое поведение людей.

Экономический потенциал этничности, проявляющийся в форме этнического предпринимательства, обусловлен рядом факторов: исторически сложившимися формами организации хозяйственной деятельности этноса; сохранением экономического уклада в силу локализации жизни традиционных сообществ; воспроизводством апробированной модели экономического поведения; спецификой экономической культуры, обусловленной ценностными установками локального этнического сообщества.

Хозяйственные практики китайского меньшинства, установившиеся в ходе длительного исторического формирования великой китайской культуры, отличаются устойчивостью и инерционностью, поэтому трудно поддаются изменениям. Именно эти традиционные способы организации хозяйственной деятельности, функционально работающие связи внутри этнической общины обеспечивают жизнедеятельность представителей китайской этнической общности в незнакомой и чуждой им социально-экономической среде принимающего общества.

Литература

Анохина Е. С. Китайские диаспоры США и Канады и «новая» китайская миграция // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 355. С. 51–54.

Афонин М. В. К вопросу о феномене «этнического предпринимательства» в современной социологии города // Вестник ЯрГУ. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (25). С. 103–107.

Бойцова Е.Ю., Вошчикова Н.К. Трудовая миграция: от теории к практике // Теория и практика общественного развития. 2016. № 4. С. 52–55.

Гарусова Л.Н., Журбей Е.В., Владимирова Д.А. Китайские иммигранты в США: историческая ретроспектива // Ойкумена. 2018. №

References

Anokhina, E.S. (2012). Chinese diasporas in the United States and Canada and the «new» Chinese migration. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 355, 51-54. (in Russian).

Afonin, M.V. (2013). On the phenomenon of «ethnic entrepreneurship» in modern urban sociology. *Vestnik YArGU. Gumanitarnyye nauki*, 3 (25), 103-107. (in Russian).

Boytsova, E.Yu., Voshchikova, N.K. (2016). Labor migration: from theory to practice. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 4, 52-55. (in Russian).

Garusova, L.N., Zhurbey, E.V., Vladimirova, D.A. (2018). Chinese immigrants in the United States: a historical retrospective. *Oykumena*, 2, 8-

2. С. 8–16.

Головчанская Е. Ю. Китайская диаспора в США в 60-е – 90-е годы XX века: опыт цивилизационного взаимодействия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2003. 15 с.

Грановеттер М. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 1. С. 76–89.

Золотухин И. Н. Китайская бизнес-диаспора в Юго-Восточной Азии // Ойкумена. 2012. № 3. С. 103–108.

Игошева М.А. Экономический ресурс этнической идентичности в условиях современных миграционных процессов // Философская мысль. 2020. № 7. С. 72–84. Режим доступа: https://e-notabene.ru/fr/article_33513.html.

Китайские канадцы – Chinese Canadians. Режим доступа: https://ru.qwe.wiki/wiki/Chinese_Canadians.

Кучинская Т. Н., Савельева М. В. Транснациональные сети зарубежных китайцев как ресурс социокультурных инноваций глобализирующегося Китая // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сб. Восточного центра. 2012. № 11. С. 35–41.

Ларин А.Г. Мировая китайская диаспора и новая миграционная концепция России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII: ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Софронова. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 193–222.

Пеньков П.Е., Вайсбейн К.Д. Анализ гендерных, этнических и этических составляющих российского предпринимательства // Философия социальных коммуникаций. 2014. № 4 (29). С. 115–121.

Радаев В.В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Полис. Политические исследования. 1993. № 5. С. 79–87.

Сколько Китай вкладывает в Европу – в инфографике Sputnik. 03.11.2018. Режим доступа: <http://sputnik.by/infographics/20171103/1031743903/kitajskie-investicii-v-strany-es.html>.

Снисаренко А. Этническое предпринимательство в большом городе современной России (на материалах исследования азербайджанской общины С. - Петербурга). Режим доступа: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/44.html>.

16. (in Russian).

Golovchanskaya, E.Yu. (2003). Chinese Diaspora in the United States in the 60s-90s of the twentieth century: experience of civilizational interaction. (Abstract, Candidate Dissertation, Perm State University, Perm). (in Russian).

Granovetter, M. (2004). Economic institutions as social constructs: a framework for analysis. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 7, 1, 76-89. (in Russian).

Zolotukhin, I.N. (2012). Chinese business Diaspora in Southeast Asia. *Oyкумена*, 3, 103-108. (in Russian).

Igosheva, M.A. (2020). Economic resource of ethnic identity in the context of modern migration processes. *Filosofskaya mysl'*, 7, 72-84. Available at: https://e-notabene.ru/fr/article_33513.html. (in Russian).

Kitayskiye kanadtsy – Chinese Canadians (2020). Available at: https://ru.qwe.wiki/wiki/Chinese_Canadians. (in Russian).

Kuchinskaya, T.N., Savel'yeva, M.V. (2012). Transnational networks of foreign Chinese as a resource for social and cultural innovations in a globalizing China. *Rossiya i Kitay: problemy strategicheskogo vzaimodeystviya: sbornik Vostochnogo tsentra*, 11, 35-41. (in Russian).

Larin, A.G. (2013). Global Chinese Diaspora and Russia's new migration concept. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*. Vyp. XVIII: annual edition. E.I. Sofronova (Ed.). Moscow: IDV RAN, 193-222. (in Russian).

Penkov P.E., Vaysbeyn, K.D. (2014). Analysis of gender, ethnic and ethical components of Russian business. *Filosofiya sotsial'nykh kommunikatsiy*, 4 (29), 115-121. (in Russian).

Radayev, V.V. (1993). Ethnic entrepreneurship: world experience and Russia. *Polis. Politicheskije issledovaniya*, 5, 79-87. (in Russian).

How much China invests in Europe – in an infographic Sputnik (2018). Available at: <http://sputnik.by/infographics/20171103/1031743903/kitajskie-investicii-v-strany-es.html>. (in Russian).

Snisarenko, A. (1999). Ethnic entrepreneurship in a large city of modern Russia (based on the research of the Azerbaijani community of St. Petersburg). Available at: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/44.html>. (in Russian).

Уолдинггер Р., Олдрич Х., Уорд Р. Этнические предприниматели // Западная экономическая социология : хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В. В. Радаев; пер. М. С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 340–365.

Haley G.T., Tan Chin Tiong, Haley Usha C.V. New Asian Emperors. The Overseas Chinese, Their Strategies and Competitive Advantages. Butterworth Heinemann, 1998. 250 p.

Jianada huaren renkou tongji tuigu. Available at: <http://www.ocac.gov.tw/>.

Light I. Immigrant and Ethnic Enterprise in North America // Ethnic and Racial Studies. 1984. Vol. 7, № 2. P. 195–216.

Lim Linda Y.C. Southeast Asian Chinese business and regional economic development // Routledge Handbook of the Chinese Diaspora / Tan Chee-Beng (Ed.). L.; N.Y., 2013. P. 256–260.

Meiguo huaren renkou tongji tuigu. Available at: <http://www.ocac.gov.tw/>.

Waldinger, R., Aldrich, H., Ward, R. (2004). Ethnic entrepreneurs. *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: Khrestomatiya sovremennoy klassiki*. In V.V. Radayev (Ed.); trans. M.S. Dobryakova and et al. Moscow: ROSSPEN, 340-365. (in Russian).

Haley, G.T., Tan Chin, Tiong, Haley Usha, C.V. (1998). New Asian Emperors. The Overseas Chinese, Their Strategies and Competitive Advantages. Butterworth Heinemann.

Jianada huaren renkou tongji tuigu (2019). Available at: <http://www.ocac.gov.tw/>.

Light, I. (1984). Immigrant and Ethnic Enterprise in North America. *Ethnic and Racial Studies*, 2, 195-216.

Lim Linda, Y.C. (2013). Southeast Asian Chinese business and regional economic development. *Routledge Handbook of the Chinese Diaspora*. In Tan Chee-Beng (Ed.). London; New York, 256-260.

Meiguo huaren renkou tongji tuigu. Available at: <http://www.ocac.gov.tw/>.

Поступила в редакцию

26 июня 2020 г.